

2017
ГОД ЭКОЛОГИИ
В РОССИИ

КРИК²

Начиналось лето, и в Заполярье, а вокруг островов, как осенью, опять бродил столь любимый Баренцевым морем туман. Снимать в такую погоду невозможно, поэтому камере назначили профилактику, а группе, кроме механика, – выходной.

После завтрака, надев шапку и полушубок (вещи на арктических островах уместные даже в июле), я вышел из домика.

День, туманный и облачный, был похож на тихие сумерки, остров казался безжизненным. Но уже через несколько минут пути богато цветущие скалы начали оживать – над колонией раздался предупреждающий крик большой морской чайки. И как только я оказался в районе гнездовья, вся колония, как по цепочке, начала подниматься в воздух.

Храня свои гнёзда, птицы кричали неистово и тревожно. Были в этом крике и бессилие, и мольба, и готовность на всё. Высматривая гнездо, удобное для наблюдения за развитием жизни в нём – это нужно было для съёмок, – я шёл под их криками, как под крышей.

– Успокойтесь, не трону я ничего, – невольно говорил я, когда они кричали особенно отчаянно, и в то же время сам страстно вслушивался в их голоса.

² Рассказы из книги Николай Тропников «БЕЛОЕ, РАННЕЕ. Современная петербургская проза». СПб, АССПИН, 2004 г., 288 с.

Что-то знакомое, когда-то очень давно пережитое мною, чудилось в этом вопле, и во мне, пытаюсь пробиться сквозь пласты прожитых лет, будто оживал заглохший родник.

Среди множества звуков, которые издают чайки при опасности, есть особенный, похожий на человеческий возглас. С ним у меня что-то связано... Забыто, но что-то есть. На что же похож этот стон?

«Ой!» – вдруг совершенно отчётливо услышал я, когда одна из птиц пронеслась почти над самой головой. Потом ещё несколько раз, не совсем чисто, но похоже: «Ой! ой! о-о-й!» Да, это тот крик, на который во мне что-то отзывается. Но что?

Мучимый этим вопросом, я остановился перед гнездом, свитым на открытой скале. Из одного яйца, на моих глазах разламывая скорлупу, молча выкарабкался сырой птенчик. На втором была маленькая дырка, в которой шевелился черненький клюв. Последнее яйцо было ещё целым и напоминало округлённый прибором камень, но вдруг оно зашевелилось и пискнуло.

Поражённый, я присел на корточки, и в то же мгновение чайка спикировала почти над моей головой, прокричала умоляюще-яростно, потом развернулась для новой атаки. Но в этот момент для меня звучал уже не её голос, и я был не на безлюдном острове, и не взрослым, а пятилетним ребенком...

«Ой! Ой!» – со стоном кричала до отчаяния перепуганная мать и, не зная, что делать, металась около дома. Я слышал её крик спиной и, распластав руки, медленно сползал по крутой крыше. Задиралась на животе рубашка. Мой друг, уцепившись за охлупень дома, пытался подать палку, чтобы вытащить меня наверх, но я не мог до неё дотянуться. Крыша дома была без водостока, поэтому упереться вниз было не во что. Ещё метр – и я сорвусь.

«Ой!» – опять прозвучал голос матери и начал удаляться.

Пальцами рук и ног я пытался зацепиться за кромки теса, но доски лежали плотно – пальцы срывались. Как иголки, обжигаяще впивались занозы, а я медленно сползал вниз.

«Держись! – орал Федька, лёжа поперёк крыши, и всё пытался протянуть мне обломок палки. – Держись! Пяткой в край упрись! Мать с лестницей бегёт!»

В тот момент, когда мне показалось, что я начинаю падать, нога во что-то упёрлась. То была лестница, которую успела подставить мать.

«Ой!» – снова раздалось над головой... но это уже опять кричала чайка.

Все матери, видать, кричат одинаково...

Я уходил. Рвался о скалы мягкий туман. Баренцево море шелестело белыми гребешками волн. Чайки, успокоившись, отставали, и голоса утихали где-то позади.

ОКУРКИ

Остывало и без того не жаркое заполярное солнце, слабел свет, и надо было уходить домой – в единственный домик, дрейфующий на плоском Айновом острове, в виду норвежских берегов.

Мы допили остатки чая из термоса и, расслабившись после многочасового напряжения, выкурили по папиресе. Потом выкарабкались из будки и начали складывать в рюкзак оптику, касеты с отснятой плёнкой, камеру.

Лишь только скрипнула дверца, тупики разбежались по своим норкам и разлетелись в разные стороны к морю. Колония опустела.

Мы уложили вещи и огляделись: вроде всё, можно идти.

– А это? – сказал Семён, показывая на будку.

Вокруг её стен валялись папиросные окурки, которые мы выбрасывали через щели во время съёмки. Среди окружающего нас великолепия и чистоты эти беленькие мундштуки, такие привычные на городских автобусных остановках, резали глаз. Я собрал их в горсть, положил на плечо штатив, и мы пошли.

Чтобы добраться до домика, где мы жили, можно было пересечь остров прямо – так короче. Но вечер был слишком хорош, и мы, не торопясь, пошли берегом. Окурки я нёс в руке, время от времени отыскивая глазами место, куда бы их выбросить. Но рука не разжималась. Всякий раз внутри меня что-то восставало, будто я замышлял преступление.

– Ну зарой их куда-нибудь под камень, – сказал Семён.

Мы стояли на плоских скалах, очищенных солёной морской водой и тщательно просушенных солнцем. Он огляделся, желая подсказать мне место, и усмехнулся:

– Действительно, некуда. Но куда понесёшь-то? Зарой поглубже, там сгниёт.

Я начал заглядывать между камней, но и в щелях, насколько было видно, было так же чисто. Плоские скалы напоминали мне

пол деревенской избы, намытый матерью с голиком и дресвой, на который всегда боязно ступить.

– Не могу, – сказал я.

– Может, в воду?

Уже наверняка зная, что это тоже невозможно, я всё-таки спустился к самой кромке берега, куда наплывали волны тихого прибоя. Вода была голубой и прозрачной, с золотым налётом заката, и казалось, всё море было таким до самого горизонта.

– Знаешь, брат, сюда выбросить – что в лицо плюнуть.

– Ну, так съешь тогда...

Так и не придумав, как от них избавиться, я сунул окурки в карман полушубка, и мы пошли молча, не спеша, расслабляясь после работы, но нас обоих что-то тяготило...

Санкт-Петербург